

Часть 1

2018 год

- 1 -

Лето выдалось на удивление неласковое. Никто и не ожидал такой «прелести». С утра лил дождь, темные тучи громоздились друг на друга. Днем откуда ни возьмись появлялось яркое, ослепляющее солнце. Сразу становилось жарко. Но это чудо длилось недолго. Уже к вечеру небо снова затягивало тучами, дождь из них теперь не лил, а мелко моросил, куksился, словно переживал из-за того, что еще один день лета прошел, а он не придумал никакой новой пакости.

Словом, не лето, а сплошное чудо природы.

Но между тем отпуск продолжался.... Хотя чего душой кривить — близился к завершению. На коже под бретельками купальника образовались две жалкие полоски незагорелого тела, которыми было смешно хвастаться на работе. Однако по сравнению с другими отдыхающими и отдохавшими у меня имелось неоспоримое преимущество — мое лето было полно впечатлений.

Все началось с того, что вместо поездки на море, куда-нибудь на Кипр, или на Гаити, или в крайнем случае в Туапсе, я решила провести отпуск нестандартно. То есть нестандартно для многих моих сослуживцев... Они-то как раз поехали на Кипр, на Гаити или в Туапсе. А я осталась в Москве — окучивать грядки и варить варенье из ранеток на родительской даче.

Люди, далекие от садоводства, почему-то считают, что не может быть более замечательного отдыха, чем на собственной «вилле» в Подмоскowie. Томные вечера за кружечкой парного молока в тени дикорастущей сирени, когда «не слышны даже шорохи» и «все замерло до утра». При этом подразумевается, что это

парное молоко течет прямо там же, в тени дикорастущей сирени, из маленького краника; садоводу и надо-то всего приложить усилий — протянуть руку, подставить стаканчик и повернуть кран.

— Ой, Лидочка, как мы тебе завидуем! — восклицала моя начальница, несравненная во всех своих проявлениях Валентина Матвеевна. — Это так романтично. Бескрайние российские просторы, чистейший воздух, ровно подстриженная лужайка, цветы, свежие фрукты и творог! Что может быть прекраснее! — Потом она вздохнула и, томно закатив аккуратно подведенные глазки, добавила: — А мы с Павликом в этом году снова поедem в Ниццу, там у него работа — опять будет много фотографировать, а мне придется скучать на пляже в одиночестве.

Это и впрямь просто ужасно — остаться одной на пляже в Ницце, пока муж вкалывает за двоих...

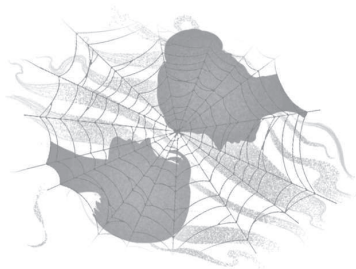
— Ох, да, Валентина Матвеевна, я вам очень сочувствую. А хотите — оставайтесь в Москве, пускай Павел Николаевич едет работать в свою Ниццу, а вы с сыном к нам приезжайте, будем пить парное молоко с вареньем, любоваться бескрайними просторами.

Я злорадно представила, как Валентина Матвеевна с сыночком Вадиком приезжает к нам на дачу, на наши родимые шесть соток, на варенье с парным молочком. Все такие важные, маменька при маникюре и педикюре. А я гостям: «Ой, как я рада! Ой, молочко! Конечно, конечно, Вадик, вон там коровка стоит... Ты вот так, вот так поделай — и молочко и себе, и маменьке надоишь...»

В общем, на Гаити в этом году я не попала. В Ниццу, впрочем, тоже. Чему я очень рада. Там в этом году, говорят, погода плохая, холодно и дождливо. И круассаны в местной пекарне делают отвратительно, кондитер Жюль Декасар уволился, а новенький — совсем не то...

Зато в Подлипкове было просто замечательно.

Я решила в первый день отпуска отдохнуть, отоспаться, проваляться до обеда в кровати с книжкой и тарелкой смородины с сахаром. Но у лица, выдающего разнарядки небесной канцелярии, были на меня другие планы.

-2-

Но, наверно, надо все же представиться.

Меня зовут Лидия Федоскина, мне двадцать девять лет. Я личный помощник генерального директора очень крупной туристической фирмы. Девушка я неглупая, языкам обучена (хвастать не буду, но три знаю неплохо). Живу в Москве, столице нашей Родины, практически с самого рождения, то есть двадцать лет.

С математикой у вас все в порядке. От двадцати девяти двадцать отнять можете. И у вас должно остаться девять лет. Если вы спросите меня, где я была в это время, ничего интересного я, к сожалению, сообщить не смогу.

Я из детдома. Здесь не будет драматических историй и слез: что было, то было. Меня никто никогда не навещал. И я совершенно не помню никого из биологической родни: ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер — если они у меня были. Все, что я помню, — казенные стены, окрашенные немаркой зеленой краской, типовые обои, столовский компот и некомплектное цветастое постельное белье. Все, что я помню, — это детский дом, в который я попала совсем крошкой.

Когда мне было пять или шесть лет, я оказалась в больнице с воспалением легких и высоченной температурой. Помню, ко мне в палату заходила женщина — высокая, очень красивая. От нее неимоверно вкусно пахло. Она посидела около меня с минутой и ушла. И больше не появлялась.

Я долго пыталась нянечку, кто это был. Но она только виновато отводила взгляд и все твердила, что мне показалось, что, дескать, не было никого, приснилось мне.

Но я не верила: решила, что это была дама, которая хотела меня удочерить, но из-за моей болезни не дождалась и нашла себе другую девочку. Ух, и ревела я тогда...

Однажды я уллучила момент и залезла в кабинет директора, где и нашла свое личное дело — хотела отыскать ту даму и сообщить ей, что я здорова и могу стать ее дочерью. Тогда-то в моих руках оказалось кое-что поинтереснее. Заключение, в котором значилось, что от меня отказались в два годика. То есть примерно тогда, когда мне поставили диагноз «аутизм». В те годы — приговор. С таким диагнозом я моей биологической родне оказалась не нужна.

Ревела я после этого неделю. Или две. Мой мир не перевернулся, и я осталась жива.

А еще через пару лет у меня появилась семья.

Мне потребовалось двадцать лет прожить с моими настоящими родителями, чтобы так спокойно об этом говорить.

Я была уже довольно большая и понимала, что тогда, в девять лет, со мной произошло чудо.

Мама и папа жили в маленькой квартирке в Замоскворечье, но мне она показалась дворцом. У меня была своя комната! Девять метров с окном во двор, в которое заглядывала лохматая старая береза.

Моя мама — психолог, и она много со мной занималась.

В те далекие 90-е она работала в престижной школе, в которой учились многие отпрыски влиятельных людей. Не знаю, какими путями, но она добилась, чтобы меня взяли в эту школу. Вначале я не ходила на общие уроки: приносила в конце недели выполненные задания и брала новые на неделю вперед. Учителя не знали, что вместо положенных пяти-шести мы с мамой выполняли все задания в параграфе, читали всю предложенную дополнительную литературу. А потом мама просила меня рассказывать то, что я прочитала, объяснять то, что я выучила, — вначале ей самой (первое время — на ушко), потом папе, потом соседскому мальчику, которому не удавалось понять какую-то тему, потом еще кому-то...

И уже через год или полтора таких занятий я вошла в класс.

Вы, наверно, думаете, что ко мне плохо относились «особые» дети. Я тоже этого боялась и идти первого сентября в школу не хотела категорически. Но мама одела меня, заплела в косички самые красивые ленты, какие только можно представить, вручила мне огромный букет и сказала:

— Ничего не бойся. Ты у меня умница, и я буду с тобой.

На линейке она решительно подтолкнула меня к классу, в толпу мальчиков и девочек.

— Ты что, дочка Марии Федоровны? — спрашивали одни. — Мы не знали, что у нее вообще есть дети...

— А где ты раньше училась? — интересовались другие.

Тут мне на помощь пришла классная руководительница, Лидия Григорьевна, женщина довольно крупная, с низким, почти мужским голосом:

— Лида училась в нашей школе, только сдавала все экзамены экстерном, по семейным обстоятельствам, — и едва заметно мне подмигнула.

Почему-то этого оказалось достаточно, чтобы расспросы прекратились.

Я училась не хуже других, но лучше многих, и вскоре все забыли, как неожиданно я появилась в 5-м «Б» классе первого сентября 2000 года. В тот же год, за две недели до новогодних каникул, родители позвали меня на наше обычное вечернее чаепитие. На столе стоял самовар, который папа, историк и любитель русской старины, привез из командировки в Тверь. Ой, как мама ругалась, что папа всякую рухлядь домой тащит!.. Пришлось за него заступиться и сказать, что мне самовар нравится и что если его хорошенько почистить, то из него вполне можно пить чай вечерами, — с тех пор у нас и появилась традиция вечерних чаепитий. Помимо самовара на столе оказались тарелочка с конфетами, печенье и... торт. Родители сладкого не любят, мне все время напоминали, что от сладкого портятся зубы, при этом почему-то всегда приносили домой и конфеты, и печенье, но торт в нашем доме был редкостью. Мама с папой — на удивле-

ние молчаливые — исподтишка поглядывали, как я улетаю торт («Пражский», как сейчас помню).

Потом папа заговорил:

— Знаешь, доча, у нас кое-что произошло в семье, мама мне сегодня утром рассказала. И вот теперь мы это говорим тебе, нам нужно с тобой посоветоваться.

Я ничего не понимала, так как, по моим сведениям, ничего «такого» в нашей семье не происходило, если не считать разбитой вчера вазы — но я нечаянно ее разбила и уже извинилась за нее. Поэтому я не проронила ни слова в ответ. А папа помолчал-помолчал и наконец сказал то, что собирался:

— У тебя скоро будет братик... или сестренка.

Над золотым пузатым самоваром повисла пауза. Мама с папой смотрели на меня во все глаза. Мама хотела что-то сказать, но не успела — я задала вопрос, который волновал меня больше всего:

— Вы хотите, чтобы я уехала обратно в детдом?

В следующее мгновение я услышала, как с грохотом упал стул, на котором сидела мама, кинувшаяся ко мне.

— С ума ты сошла, что ли! — крикнул папа то ли мне, то ли ей, но думаю, что все же мне.

— А почему вы мне о братике или сестренке говорите с таким видом, что должно произойти что-то ужасное? — не унималась я, вырываясь из маминых рук.

— Маш, ну отпусти ты ребенка, ты же ее задушишь! — Папа вернулся на свое место, положил руки перед собой на столешницу. — Лида, мама уже не такая молоденькая, поэтому ей придется уйти с работы, а тебе решать, будешь ездить на учебу сама или переведешься в школу поближе. — Он укоризненно посмотрел на меня. — Ну, это же естественно, Лида, ты подумай. А ты всякую ерунду думаешь, мать расстраиваешь! Вон, посмотри, на ней же лица нет.

Тут я впервые посмотрела на маму. Она была вся заплаканная, встревоженная, какая-то выцветшая и очень несчастная. Мамочка моя!!! Как же я тебя люблю!

Вечером того же дня, когда я уже легла в постель, мама зашла ко мне в комнату, тихонько забралась под одеяло и крепко-крепко меня обняла. Потом шепотом сказала:

— Знаешь, где я сегодня была? В церкви! Я должна была сказать спасибо за все то, что произошло в моей жизни: у меня есть твой папа, у меня есть ты и будет еще кто-то. О большем счастье и мечтать нельзя, а? Ты как считаешь?

Я кивнула, хотя мысли были заняты другим. Вот этим:

— Мам, а где мы все поместимся? Может, мне перебраться на кухню?

Мама расхохоталась так громко, что прибежал папа, встал в дверях, смущенно переминаясь с ноги на ногу, словно увидел то, что ему явно не полагалось видеть:

— А чего это вы тут в темноте сидите?

— Слышал, что предлагает твоя дочь? Она собирается перебраться на кухню! Думает, так места больше будет, представляешь?

— А есть мы где будем? У тебя на кровати? Или на шкаф будем забираться?

Тут уж мы все расхохотались. Просто оттого, что мы семья, и что у нас такие перемены, и они общие. А я еще думала, что мне надо поучиться пеленать кукол, а то мама такая маленькая, что, наверное, не справится с воспитанием малыша.

Вскоре у нас в доме затопали маленькие ножки. Вернее, вначале они, конечно, не топали, а лежали себе смирно в кроватке вместе со своим обладателем, который кричал каждые три часа, как по будильнику. Одно только озадачивало моих родителей: они планировали мальчика (это папа) или девочку (это мама), а родились две девочки. Вроде как мамина двойная победа.

Помню, папа пришел из роддома такой серьезный, что я даже испугалась — не случилось ли чего. Сердце оборвалось, и дышать стало больно, и словно незачем. А он позвал меня на кухню, на семейный совет в усеченном составе.

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

— Лида, у нас тут такое дело с мамой вышло... — Я замерла. — У нас близняшки. — Мой крик ликования. — Две девочки, а мы готовили имя для мальчика. В общем, мама сказала, чтобы мы к выписке готовили варианты. Сразу нас с тобой ограничила: Октябрин, Трактарин, Терпсихор и Олимпиад не предлагать. — Он меня обнял, а когда отпустил, его лицо светилось от счастья. — Только обедать нам действительно придется на твоём шкафу!

Вот такая у меня семья.

Наташка с Женькой выросли, обе белобрысые, сероглазые. В медицинский пошли. Наташка мечтает стать педиатром, а Женька — непременно хирургом. Года три как мы с ними самозабвенно конкурируем. Дело в том, что у нас абсолютно одинаковый размер рук, ног, бюстов и всего остального. Покупаем все в одном экземпляре, разных цветов, но, как ни крути, одного и того же размера. И как так получается, что Наташке с Женькой особенно, как они считают, идет именно то, что выбираю себе я?!

-3-

Так вот, возвращаясь к моему нестандартному отпуску.

Еще утром в пятницу, в свой последний рабочий день, я решила поступить нестандартно и отправиться на дачу сразу же после работы. Чтобы осуществить эту затею, мне пришлось одеться как можно «демократичнее», как выразилась моя начальница Валентина Матвеевна. Вернее, она сказала следующее:

— Знаешь, Лидочка, если бы ты оделась еще чуть демократичнее, я бы тебя уволила.

Не знаю, чем ей не понравились мои вполне приличные брючки изо льна. Да, по колено, но это все равно брючки, а не шорты. Я их успела утащить у Наташки, а кофточку, само собой, у Женьки — будут знать, как прятать под подушку мои туфли. Но начальница при виде меня так скривила свои идеально подкрашенные губы, что ее очки-половинки едва не съехали с носа.

Хорошо, что я пришла на работу пораньше: неловко представить, что было бы, увидь начальница тот баул, в котором под тяжестью книг «для легкого чтения» мялась моя одежда (вечерние платья, в отличие от героини мультика о Простоквашино, я решила не брать). А еще брякал чайник, который мама забыла дома и непременно велела забрать, плюс еще сотня мелочей вроде штопора, которые требовалось привезти из московской квартиры.

Баул получился неподъемный. Я с ужасом вспоминала, как везла его сюда в маршрутке, и с тоской представляла, как мне предстоит его тащить через всю Москву: сначала двадцать минут на автобусе, потом сорок минут на метро, потом по вокзалу и еще